

Сунь Цзя легонько, почти ласково, похлопал по коре и вздохнул – вздох этот вырвался из самой глубины души.

- Надеюсь, с деревом ничего серьёзного не случится, – сказал он, глядя на пожелтевшую крону. – И когда я вернусь, оно будет таким же, как раньше – здоровым, зелёным, полным сил. Как в детстве.

Пожелтевший лист, сорвавшись с ветки, медленно, плавно, словно нехотя, закружился в воздухе и, описав замысловатую траекторию, опустился прямо ему в раскрытую ладонь – лёгкий, почти невесомый.

Сунь Цзя поднёс его к самым глазам, рассматривая причудливый, неповторимый узор прожилок, тонкую игру желтизны и зелени, и тихо рассмеялся – смех этот был похож на шелест листьев.

- Прощай, – сказал он, обращаясь и к дереву, и к тому невидимому другу, и к самому себе.

Лёгкий, едва ощутимый ветерок пробежал по кроне, и листья отозвались тихим, задумчивым шелестом – то ли прощаясь, то ли обещая помнить, то ли просто отвечая на прикосновение воздуха.

- Всё будет хорошо, – вдруг тихо, но очень отчётливо сказал Шэнь Чан Ань, глядя на стоящего под деревом Сунь Цзя.

- Что? – тот обернулся, и в глазах его мелькнуло удивление.

- Я хочу сказать, – пояснил Шэнь Чан Ань, чуть повысив голос. – Что когда вы вернётесь в следующий раз, дерево обязательно будет в порядке. Обязательно поправится. Раз уж оно прожило здесь целое столетие, видело столько всего, пережило столько зим и вёсен – проживёт и второе. Всему нужно время, чтобы восстановиться. И людям, и деревьям.

- Да, наверное, Вы правы, – Сунь Цзя кивнул, машинально, почти бессознательно, сунул пожелтевший лист в карман джинсов – на память, сам не зная зачем, – взялся за ручку чемодана и, ещё раз коротко кивнув Шэнь Чан Аню, зашагал к выходу со двора.

Шэнь Чан Ань смотрел ему вслед, не отрываясь. Вот Сунь Цзя вышел за ворота, и тут же к нему, словно из-под земли выросли, бросились пожилые мужчина и женщина – отец и мать. Они суетились вокруг него, заглядывали в лицо, что-то взволнованно говорили наперебой, улыбались сквозь навернувшиеся на глаза слёзы, поправляли на нём воротник куртки, одёргивали рубашку, заправленную в джинсы. А потом, взяв под руки с двух сторон, медленно, бережно, словно величайшую драгоценность, повели прочь, и вскоре вся троица скрылась за поворотом, растворилась в жарком мареве, в потоке уличного движения, в шуме проезжающих машин.

- Эх, - вздохнула Чэнь Пань Пань, бесшумно подошедшая сзади и вставшая рядом. - Хорошо они придумали - уехать подальше отсюда. В нашем-то городишке, где любая мелочь, любой слух вмиг на всю округу разлетается, где все всех знают, на Сунь Цзя, даже если он теперь совершенно здоров, абсолютно нормален, всё равно до самой смерти косо бы смотрели, пальцами бы тыкали, шушукались за спиной. "А, это тот самый, который с приветом, который с деревьями разговаривал...". А в новом месте можно начать всё заново, с чистого листа, без оглядки на прошлое. Никто не знает, никто не осудит.

- Чего это вы там внизу столпились, представление, что ли, смотрите? - раздался сверху знакомый насмешливый голос. Ду Чжун Хай, по обыкновению, облокотившись на перила балкона, взирал на подчинённых с высоты второго этажа, как полководец на поле боя. - Стоят, как вкопанные, уставились на дерево! Оно, может, и не больно вовсе, а вы его своим пристальным вниманием до смерти залюбопытничаете. Сглазьте ещё ненароком!

- Начальник Ду, - фыркнула Чэнь Пань Пань, задрав голову и уперев руки в боки. - Мы его не кусаем и кору не грызём, ветки не ломаем! Не умрёт оно от наших взглядов, даже не надейтесь! Так что ответственность за его здоровье на нас вешать не надо, мы этот горшок не понесём (1), он не наш!

- Горшок-то, - философски заметил Ду Чжун Хай. - Нести кому-то всё равно придётся. Это уж как пить дать. А ну, поднимайтесь давайте, - он поманил их пальцем. - Дело есть, сообщить кое-что надо. Всех касается.

Все трое - Шэнь Чан Ань, Чэнь Пань Пань и незаметно присоединившийся к ним Дин Ян - переглянулись и, подгоняемые не столько любопытством, сколько служебной дисциплиной, взбежали по лестнице на второй этаж. Войдя в небольшую переговорную, они увидели, что остальные коллеги - Гао Шу Цзюань, Сюй Цзэ - уже в сборе и расселись по местам. Быстро, стараясь не шуметь, плюхнулись на свободные стулья.

- В последнее время вы хорошо поработали, - начал Ду Чжун Хай своё традиционное, уже поднадоевшее всем совещание, поглаживая пухлый животик и с важным видом оглядывая присутствующих. - Духовно-нравственное строительство населения, пропаганда научных знаний, борьба с суевериями - всё идёт полным ходом, можно сказать, на всех парах, - он сделал паузу, давая им проникнуться значимостью момента. - Но почивать на лаврах рано, товарищи! Нельзя останавливаться на достигнутом! Надо продолжать в том же духе, наращивать темпы, расширять охват!

Он полистал свой издавший виды блокнот, исписанный мелким, убористым почерком, и продолжил уже более деловым тоном:

- По поводу ночного происшествия на трассе, которое в народе уже окрестили "призраками на дороге" и которое вызывает нездоровый ажиотаж... Этим делом вчера занимались Сяо Дин и Сяо Шэнь, - он кивнул в их сторону. - Вы двое, напишите подробный, обстоятельный отчёт. Со всеми деталями, со всеми объяснениями. Послезавтра я передам его в отдел пропаганды, пусть они там на его основе подготовят официальное разъяснение для населения через прессу. Чтобы раз и навсегда развеять эти дурацкие слухи о нечистой силе, объяснить людям, что

никакой чертовщины не было, а были естественные причины, атмосферные явления, оптические иллюзии, игры света и тени... Ну, вы меня понимаете, – он снова погладил животик, довольно улыбаясь своей идее. – На сегодня всё. У кого есть вопросы, предложения, замечания?

Все дружно, как по команде, замотали головами, стараясь не встречаться с начальником взглядом. Каждый раз, когда Ду Чжун Хай собирал эти свои бесконечные пятиминутки, растягивающиеся на полчаса, приходилось прилагать титанические усилия, чтобы не схватиться за телефон и не провалиться в пучину социальных сетей или игр. Какие уж тут вопросы – только бы поскорее закончилось.

– Тогда свободны, – Ду Чжун Хай с довольным видом захлопнул папку с бумагами. – Ах да, Сяо Шэнь, задержись, зайди ко мне в кабинет. На пару слов.

Шэнь Чан Ань, внутренне собравшись, последовал за начальником. Ду Чжун Хай важно прошествовал в свой кабинет, уселся в поскрипывающее кресло, жестом пригласил подчинённого присесть на стул напротив и, сложив руки на столе, добродушно, даже несколько заискивающе улыбнулся.

– Сяо Шэнь, ну как тебе у нас работается? Освоился уже? Не жмёт где? Привык к нашему ритму? – начал он издали, как это обычно делают начальники, когда нужно сообщить что-то деликатное.

– Всё хорошо, коллеги замечательные, работа интересная, никаких проблем, – коротко, но ёмко ответил Шэнь Чан Ань, терпеливо ожидая, когда же начальник перейдёт к сути.

– Ну и славно, – Ду Чжун Хай покивал, ещё немного порасспрашивал о бытовых мелочах – как устроился в новой квартире, не холодно ли там, не сыро ли, хватает ли зарплаты на жизнь, – и вдруг замолчал, задумчиво глядя куда-то в окно, явно подыскивая слова для чего-то более важного, более серьёзного.

---

1. 背锅 (bèiguō) – это неологизм, произошедший от идиомы "背锅", которая дословно переводится как "нести на спине горшок". Она означает расплату за чужие провинности, несение ответственности за чужие проступки. В нашей речи это может быть эквивалентно выражению "козёл отпущения".